

Н.Г. Шумский, Н.Б. Калужная, И.В. Ювенский указывают, что агрессивные действия женщин в момент совершения убийства характеризовались аффективной окрашенностью и возникали по механизму реакции «короткого замыкания». В своем исследовании И.В. Ювенский отмечает, что одним из условий совершения убийства является алкогольное опьянение как мужчины-потерпевшего, так и женщины, совершившей убийство. Согласно проведенному нами исследованию в 94 % случаев женщины находились в момент совершения убийства в состоянии алкогольного опьянения.

Таким образом, выявленные криминологические особенности личности женщин, осужденных за убийство, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, свидетельствуют о том, что в большинстве случаев убийства совершены женщинами в возрасте от 30 до 50 лет в состоянии алкогольного опьянения в отношении лиц мужского пола, с которым женщина состояла в длительных близких отношениях, без соучастия, под влиянием сложившихся внешних провоцирующих обстоятельств, которые были восприняты женщиной как угрожающие, и без осмысления ситуации. В структуре поведения в момент совершения убийства преобладают эмоции.

УДК 343.915

Ю.В. Сокол

О НЕОБХОДИМОСТИ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИНТЕНСИВНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Российская криминология, в прочем, как и все науки уголовно-правового цикла, пребывает в состоянии затянувшегося методологического кризиса. Прежняя марксистско-ленинская монистическая методология утратила статус господствующей, однако новая парадигма отечественной криминологии так и не сформировалась. Процесс критического переосмысления накопленного криминологического опыта все еще продолжается. Криминологическое сообщество расслоилось: одни остались на прежних позициях, другие настаивают на переменах, а третьи терпеливо ждут любого исхода разрешения существующих проблем. При этом старая парадигма не сдается, ее сторонники не уступают «без боя», подвергают новые парадигмы травле и гонению, а также обвиняют их сторонников в разрыве с традициями.

Нынешнее кризисное состояние отечественной криминологии негативно отражается на изучении преступности несовершеннолетних. Так, одним из существенных недостатков методологического характера, присущих многим российским криминологическим исследованиям, является недооценка разнородности (гетерогенности) личности несовершеннолетних преступников. Несмотря на разные оговорки, исследователи продолжают относиться к несовершеннолетнему преступнику так же, как и к совершеннолетнему: несовершеннолетний преступник = «маленький» взрослый преступник. Активно декларируется необходимость особого отношения к несовершеннолетним преступникам, тогда как фактически такое «особое отношение» часто отсутствует при проведении криминологических исследований. Несмотря на призывы об особом отношении ряда исследователей (Р.М. Абызов, В.Д. Ермаков, Р.И. Панкратов, С.В. Познышев, Ю.В. Сокол, Е.Г. Тарло и др.), существующие типологии личности несовершеннолетних преступников во многом представляют собой лишь копии личностных типологий взрослых преступников.

К сожалению, и несовершеннолетних рецидивистов в России продолжают относить к однородной массе преступников, без их дальнейшего дифференцирования на самостоятельные подвиды. В частности, выдающийся российский криминолог Г.И. Забрянский изучал несовершеннолетних рецидивистов как однородную (гомогенную) группу.

В качестве оснований типологии личности несовершеннолетних преступников по-прежнему предпочитают использовать оценочные понятия «антиобщественная установка», «антисоциальная направленность», «криминогенная запущенность», «криминогенная деформация» и т. п. Эти понятия не имеют четких качественных и количественных характеристик, что затрудняет или делает невозможным однозначное распределение личностей конкретных несовершеннолетних преступников по этим типологиям.

Подразделяя несовершеннолетних по количеству совершенных ими преступлений, традиционно выделяют однократных, повторных и многократных преступников. При этом группа многократных несовершеннолетних преступников, в свою очередь, не подразделяется на подгруппы, что создает своего рода иллюзию некой однородности общей массы рецидивных и многократных несовершеннолетних преступников. Точный подсчет индивидуального количества совершенных несовершеннолетними преступлений, как правило, подменяется оценочными понятиями, такими как устойчивость, активность, упорство, систематичность, профессиональность, злость и др.

Типологический подход в отечественной криминологии всегда отличался опорой на юридическое понятие «преступление», признанием социальной обусловленности преступного поведения, а также негативным отношением к изучению биосоциальных и биопсихологических особенностей личности преступника. Несовершеннолетние преступники отличаются друг от друга не только социальными, но и биологическими, биопсихологическими и иными характеристиками личности и их сочетаниями.

Результаты многочисленных зарубежных эмпирических исследований (М. Вольфганг, Р. Фиглио, Т. Селлин и др.) свидетельствуют о наличии немногочисленной части несовершеннолетних преступников (порядка 5–7 %), которые совершают непропорционально большое количество преступлений (от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$). В зарубежной криминологии существует множество терминов, обозначающих эту группу несовершеннолетних преступников: хронические, персистентные, интенсивные, устойчивые, активные, высоко-частотные, привычные, рецидивирующие, профессиональные, карьерные, устойчивые на протяжении жизни, криминальные психопаты, «хищники» и т. д. Проведенное в условиях России исследование (Ю.В. Сокол) подтверждает реальное существование в «популяции» российских несовершеннолетних преступников тех, кто отличился совершением большого количества преступлений – от 5 до 10 и более в течение года. Предлагаем в русскоязычном пространстве использовать термин «несовершеннолетние интенсивные преступники (НИПы)», как это принято в немецкоязычной криминологии.

Несмотря на наличие огромного количества работ, посвященных изучению личности несовершеннолетних преступников и их типов, в современной отечественной криминологии они не рассматриваются в качестве самостоятельного объекта целенаправленных криминологических исследований.

К числу базовых критериев отнесения несовершеннолетнего к НИПам принадлежат совершение им большого количества преступлений (5 и более в течение 1 года) и негативный прогноз продолжения таким несовершеннолетним дальнейшей криминальной карьеры. К тому же изучение несовершеннолетних интенсивных преступников (по Т. Моффитт) подтверждает, что они, как правило, отягощены различными биопсихологическими (нейропсихологическими) проблемами с раннего детства. Понимание этого подчеркивает важность всестороннего изучения имеющих криминологическое значение биопсихосоциальных особенностей личности несовершеннолетних интенсивных преступников.

Таким образом, несовершеннолетние интенсивные преступники являются самостоятельным криминологическим типом несовершеннолетних преступников и подлежат самостоятельному криминологическому исследованию. Оказывая целенаправленное воздействие на эту относительно малочисленную группу несовершеннолетних преступников, можно существенно снижать уровень преступности несовершеннолетних в целом.

УДК 343.541 + 343.97

В.В. Стальбовский

ФЕНОМЕН МАСКИ НОРМАЛЬНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-ПЕДОФИЛА

В рамках эволюции социальных процессов выстраиваются модели универсального поведения: естественного (нормального) и преступного. Вот почему так важно еще на самых ранних этапах заметить «красные нити» зарождающихся социальных процессов, часто девиантных, теряющихся в запутанной картине жизни, обусловленной эпохой постмодернизма, на заре метамодернизма, где девиантное поведение ассоциируется с нормальностью, где лонцид стремится к укоренению. Такие «красные нити» – набирающие обороты попытки нормализации педофилии, в том числе через различные роли (модели нормальности), не позволяющие идентифицировать преступника, не говоря о признании ее с помощью вышеупомянутой теории сексуальной ориентации, на которое в принципе и «заточены» педофилические лобби всего мира, создающие свои манифесты.

Для того чтобы сформировать нейронную дорожку в научных изысканиях о предупреждении и профилактике данного вида преступлений, коснемся вопроса современного феномена маски нормальности педофила, – по нашему мнению, одной из психологических составляющих характеристики личности преступника-педофила, практически неизученной и «темной» стороны криминологических и криминалистических знаний.

Первые черты сущности и содержания основ феномена маски нормальности зародились в 1976 г. у Херви Клекли в его одноименных исследованиях научного толка, посвященных психопатии. Маска нормальности, по словам психиатра, представляет собой одно из самых пугающих свойств психопата: умение казаться абсолютно нормальным человеком. Данная дефиниция интерпретируется в различных направлениях, но ясно одно: маска нормальности – это поведенческая характеристика преступника, позволяющая ему казаться нормальным и психически здоровым человеком, закрепляя за собой положительные характеристики в глазах знакомых людей, т. е. быть максимально социально приемлемым и одобряемым. Такие люди подвержены полному контролю своих действий и поступков, все, что они когда-либо делали, – это осознанные действия и никак иначе. Не является исключением из этого феномена, на наш взгляд, и преступник-педофил, о чем свидетельствуют не только материалы уголовных дел, справок о расследовании, оперативных сводок, где четко вырисовывается криминологический портрет, но и косвенные признаки: уровень латентности, многоэпизодность (врач-анестезиолог с 2013 по 2016 г. совершил более 70 преступлений, отвозя на лечение детей из РНПЦ онкологии за границу, где совершал с ними иные действия сексуального характера), длительность (с 2005 по 2018 г. гражданин Д., изготавливая детскую порнографию, осуществлял свою преступную деятельность в отношении 50 жертв, каждая из которых не менее 10 раз учувствовала в съемках порнографического характера), серийность, а также сложность в расследовании преступлений такого рода. Все эти признаки дают нам много подсказок, которые могут являться «верными ключами» в их индивидуальной профилактике.

Безусловно, изучению маски нормальности предшествовала теория К. Юнга об архетипах, согласно которой личность состоит из трех взаимодействующих структур: сознания, личного бессознательного и коллективного бессознательного. Личное бессознательное связано с опытом жизни конкретного человека. Коллективное бессознательное состоит из архетипов. Само слово «архетип» переводится с древнегреческого как «древний образ».

Архетипы остались неизменными с древнейших времен, в основном меняя свои формы, но не сущность. Архетип устойчив во времени. Архетипы – это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, они эмпирически выступают как силы или тенденции к повторению тех же опытов. Не является исключением из «базы» архетипов и криминальный опыт, скрилл, алгоритм поведения, который мы и постарались в ходе исследования вывести из пакета эмпирических материалов и экспертного опыта практиков.

Каннибализм, педофилия, шутинг, геноцид, терроризм, коррупция и другие криминальные явления постмодернистского мира на самом рассвете функционирования поколения Альфа подтверждают, что общечеловеческий коллективный деструктивный опыт имеет тенденцию к повторению. Архетипы «клонированы» в течение всего процесса социализации личности, усвоения ею части мирового личностно-индивидуального опыта. Архетипы как образы являются обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов существования ряда поколений, усредняя миллионы индивидуальных опытов, образующих типы укоренившихся манер поведения, которые и будут в исследовании называться маской нормальности.